

<i>A. BIERCE</i>	<i>А. БИРС</i>	<i>А. БИРС</i>
<p style="text-align: center;">THE APPLICANT</p> <p>Pushing his adventurous shins through the deep snow that had fallen overnight, and encouraged by the glee of his little sister, following in the open way that he made, a sturdy small boy, the son of Grayville's most distinguished citizen, struck his foot against something of which there was no visible sign on the surface of the snow. It is the purpose of this narrative to explain how it came to be there.</p> <p>No one who has had the advantage of passing through Grayville by day can have failed to observe the large stone building crowning the low hill to the north of the railway station – that is to say, to the right in going toward Great Mowbray. It is a somewhat dull-looking edifice, of the Early Comatose order, and appears to have been designed by an architect who shrank from publicity, and although unable to conceal his work – even compelled, in this instance, to set it on an eminence in the sight of men – did what he honestly could to insure it against a second look. So far as concerns its outer and visible aspect, the Abersush Home for Old Men is unquestionably inhospitable to human attention. But it is a building of great magnitude, and cost its benevolent founder the profit of many a cargo of the teas and silks and spices that his ships brought up from the under-world when he was in trade in Boston; though the</p>	<p style="text-align: center;">ПРОСИТЕЛЬ</p> <p><i>Перевод Н. Волжиной</i></p> <p>Отважно ступая по наметенным с вечера сугробам впереди сестренки, которая пробиравась по следам брата и подзадоривала его веселыми возгласами, маленький краснощекий мальчуган, сын одного из самых видных граждан Грэйвилла, споткнулся о какой-то предмет, лежавший глубоко под снегом. В настоящем повествовании автор ставит себе целью объяснить, каким образом этот предмет очутился там.</p> <p>Те, кому посчастливилось проходить через Грэйвилл днем, не могли не заметить большое каменное здание, венчающее невысокий холм к северу от железнодорожной станции, то есть по правой руке, если идти к Грэйт-Моубрей. Этот довольно унылый дом "раннелетаргического стиля" невольно наводил на мысль, что строитель его пожелал уклониться от славы и, не имея возможности скрыть свое творение – более того, вынужденный возвести его на самом видном месте, – приложил все силы к тому, чтобы никто не захотел посмотреть на это сооружение дважды. Поскольку речь идет о его внешнем виде, "Убежище Эберсаша для престарелых", безусловно, гостеприимством и радушием не отличалось. Тем не менее дом этот был весьма внушителен по размерам, и щедрому основателю "Убежища" пришлось вложить в его постройку прибыли от многих партий чая, шелков и пряностей, которые корабли привозили ему от</p>	<p style="text-align: center;">ПРОСИТЕЛЬ</p> <p><i>Перевод Ю. Жуковой</i></p> <p>Отважно прокладывая себе путь в нападавшем за ночь глубоком снегу и радуясь веселому смеху младшей сестренки, которая двигалась за ним по протоптанному следу, крепенький мальчуган лет восьми – сын именитейшего из жителей Грэйвилля – вдруг споткнулся о какой-то предмет, хотя ничто на ровной снежной поверхности не указывало, что он под ней лежит. Откуда он там взялся, будет объяснено в этом рассказе.</p> <p>Если вам доводилось проезжать Грэйвилл днем, вы непременно должны были заметить большое каменное здание, что стоит на пригорке к северу от вокзала и справа по ходу поезда, если ехать в сторону Грэйт-Мобри. Здание весьма унылое, построено в стиле раннего упадка, причем архитектор, судя по всему, чурался славы, и хотя ему не удалось вовсе скрыть свое творение от людских глаз, – более того, он был вынужден поставить его на виду, так что все взоры невольно обращаются к дому, однако он не пожалел трудов и добился-таки своего: поглядев раз на этот шедевр, вы никогда уже больше не повернете головы в его сторону. Итак, внешний вид приюта для престарелых в Грэйвилле чрезвычайно непривлекателен и неприветлив. Но размеры его велики, основавший приют благотворитель вложил в его строительство немалую толику доходов от продажи чая, шелков и пряностей, грузы которых доставляли из-за</p>

main expense was its endowment. Altogether, this reckless person had robbed his heirs-at-law of no less a sum than half a million dollars and flung it away in riotous giving. Possibly it was with a view to get out of sight of the silent big witness to his extravagance that he shortly afterward disposed of all his Grayville property that remained to him, turned his back upon the scene of his prodigality and went off across the sea in one of his own ships. But the gossips who got their inspiration most directly from Heaven declared that he went in search of a wife – a theory not easily reconciled with that of the village humorist, who solemnly averred that the bachelor philanthropist had departed this life (left Grayville, to wit) because the marriageable maidens had made it too hot to hold him. However this may have been, he had not returned, and although at long intervals there had come to Grayville, in a desultory way, vague rumors of his wanderings in strange lands, no one seemed certainly to know about him, and to the new generation he was no more than a name. But from above the portal of the Home for Old Men the name shouted in stone.

Despite its unpromising exterior, the Home is a fairly commodious place of retreat from the ills that its inmates have incurred by being poor and old and men. At the time embraced in this brief chronicle they were in number about a score, but in acerbity, querulousness, and general ingratitude they could hardly be reckoned at fewer than a hundred; at least that was the estimate of the

наших антиподов в Бостон, где он занимался в ту пору коммерческой деятельностью: впрочем, большая часть денег была вложена в фонд "Убежища" при основании его. В общей сложности этот бесшабашный человек ограбил своих законных наследников на сумму не меньшую, чем полмиллиона долларов и пустил ее на ветер одним взмахом щедрой руки. Возможно, что, имея намерение скрыться от этого молчаливого свидетеля своей расточительности, он и распродал вскоре после того все свое имущество в Грэйвилле, покинул места, где предавался недавно мотовству, и уехал за море на одном из собственных кораблей. Однако сплетники, получавшие сведения непосредственно с небес, утверждали, будто он отправился подыскивать себе жену, хотя их версию не так-то легко было связать с соображениями, имевшимися на этот счет у одного грэйвиллского остролова, который заверял всех, что филантропически настроенный холостяк покинул нашу юдоль (сиречь Грэйвилл), ибо здешние великовозрастные девицы слишком уж допекали его своим вниманием. Как бы то ни было, назад он не вернулся, и хотя смутные, отрывочные вести о его скитаниях в чужих краях изредка и долетали до Грэйвилла, все же ничего определенного о нем никто не знал, и для молодого поколения имя этого человека стало пустым звуком. Но – высеченное на камне, оно громогласно заявляло о себе над главным входом "Убежища для престарелых".

Несмотря на малообещающую внешность, "Убежище" представляло для своих обитателей совсем не плохое место отдохновения от многих зол, которые они навлекли на себя в жизни,

океана его корабли, когда он держал торговлю в Бостоне. Вдобавок он назначил денежный фонд на содержание приюта. Обрушив на сограждан столь необузданную щедрость, легкомысленный благодетель ограбил своих законных наследников ни много ни мало на полмиллиона долларов. Вероятно, не желая, чтобы сей огромный немой свидетель его расточительности вечно мозолил ему глаза, он в скором времени продал все оставшуюся у него в Грэйвилле собственность, сел на один из своих кораблей и уплыл за море. Впрочем, кумушки, которым всегда все известно лучше, чем самому Господу Богу, объявили, что он отправился на поиски жены, чему, однако, противоречит версия городского остроумца, утверждавшего, что все до единой местные девицы на выданье буквально не давали проходу холостяку-филантропу, потому-то он и оставил сию юдоль, то бишь Грэйвилль. Кто из них прав – мы не знаем, однако в город он больше не вернулся, и хотя порой до жителей долетали обрывочные слухи, что он путешествует по неведомым странам, ничего достоверного никто не знал, и для следующего поколения этот человек стал всего лишь именем. Но имя кричалось каменными буквами с фронтона дома для престарелых.

Несмотря на негостеприимный вид, дом этот являет собой достаточно надежное убежище от невзгод, какие выпадают на долю престарелых, когда они бедны. Во времена, к которым относится наша короткая повесть, здесь проживало около двенадцати стариков, до того сварливых, вздорных и неблагодарных, что неприятностей от них было не меньше, чем от

<p>superintendent, Mr. Silas Tilbody. It was Mr. Tilbody's steadfast conviction that always, in admitting new old men to replace those who had gone to another and a better Home, the trustees had distinctly in will the infraction of his peace, and the trial of his patience. In truth, the longer the institution was connected with him, the stronger was his feeling that the founder's scheme of benevolence was sadly impaired by providing any inmates at all. He had not much imagination, but with what he had he was addicted to the reconstruction of the Home for Old Men into a kind of 'castle in Spain,' with himself as castellan, hospitably entertaining about a score of sleek and prosperous middle-aged gentlemen, consummately good-humored and civilly willing to pay for their board and lodging. In this revised project of philanthropy the trustees, to whom he was indebted for his office and responsible for his conduct, had not the happiness to appear. As to them, it was held by the village humorist aforementioned that in their management of the great charity Providence had thoughtfully supplied an incentive to thrift. With the inference which he expected to be drawn from that view we have nothing to do; it had neither support nor denial from the inmates, who certainly were most concerned. They lived out their little remnant of life, crept into graves neatly numbered, and were succeeded by other old men as like them as could be desired by the Adversary of Peace. If the Home was a place of punishment for the sin of unthrift the veteran offenders sought justice with a persis-</p>	<p>будучи нищими, стариками да к тому же людьми. Ко времени, о котором повествует эта короткая хроника, их насчитывалось там человек двадцать, но по злобному нраву, сварливости и крайней неблагодарности они с успехом могли бы сойти за целую сотню; такого мнения, во всяком случае, придерживался старший смотритель "Убежища" мистер Сайлас Тилбоди. Мистер Тилбоди был убежден, что, принимая стариков на место тех, которые удалялись в иное, лучшее убежище, попечители ставили себе целью испытывать его терпение и нарушать его покой. Говоря откровенно, чем дольше пребывал мистер Тилбоди во главе этого учреждения, тем больше склонялся он к мысли, что благотворительный замысел основателя весьма прискорбным образом страдал от наличия в "Убежище" призреваемых. Мистер Тилбоди не мог похвалиться богатой фантазией, но та, что у него имелась, была поглощена преобразованием "Убежища" в некий воздушный замок, где он сам в качестве кастеляна оказывал гостеприимство небольшой компании медоточивых, состоятельных джентльменов средних лет, настроенных весьма благодушно и охотно покрывающих расходы по своему содержанию. Попечители, которым мистер Тилбоди был обязан своим положением и перед которыми ему приходилось отчитываться, не имели счастья фигурировать в этом исправленном филантропическом проекте. Что же касается самих попечителей, то, по словам вышеупомянутого грэйвиллского остряка, провидение, поставившее их во главе большого благотворительного предприятия, тем самым даровало им повод проявлять свою склонность к</p>	<p>сотни; так во всяком случае считал директор приюта мистер Сайлас Тилбоди. Мистер Тилбоди был непоколебимо убежден, что всякий раз, когда кто-то из обитателей дома переселялся в иной, Лучший Дом, и совет попечителей принимает на освободившееся место нового жильца, это делается с исключительной целью испытать его, директорское, терпение и нарушить душевный покой. Если говорить правду, то чем дольше мистер Тилбоди стоял во главе богоугодного заведения, тем тверже укреплялся в мысли, что вообще наличие убогих стариков в его стенах нарушает первоначальный замысел благотворителя. Воображение у директора было кучее, но по мере сил и возможностей оно рисовало ему вместо богадельни некий сказочный замок, где сам он, в роли смотрителя, радушно принимает и развлекает богатых лощеных джентльменов средних лет, которые умеют вести изысканно остроумные беседы и готовы щедро платить за пансион и стол. В этом преобразованном варианте филантропической идеи попечительский совет, которому мистер Тилбоди был обязан своим местом и, естественно, подотчетен, не фигурировал вовсе. Ибо попечители, как утверждал все тот же городской остроумец, получив в свое распоряжение такой богатый кусок ничьей собственности, были незаинтересованы его разбазаривать и являли чудеса бережливости. На что тут намек – не нашего ума дело; старики же, обитатели приюта, которых это могло бы касаться непосредственно, помалкивали. Аккуратно вписанные в книги богадельни, они доживали в ней остаток отпущенных им дней, исправно</p>
---	--	--

tence that attested the sincerity of their penitence. It is to one of these that the reader's attention is now invited.

In the matter of attire this person was not altogether engaging. But for this season, which was midwinter, a careless observer might have looked upon him as a clever device of the husbandman indisposed to share the fruits of his toil with the crows that toil not, neither spin – an error that might not have been dispelled without longer and closer observation than he seemed to court; for his progress up Abersush Street, toward the Home in the gloom of the winter evening, was not visibly faster than what might have been expected of a scarecrow blessed with youth, health, and discontent. The man was indisputably ill-clad, yet not without a certain fitness and good taste, withal; for he was obviously an applicant for admittance to the Home, where poverty was a qualification. In the army of indigence the uniform is rags; they serve to distinguish the rank and file from the recruiting officers.

As the old man, entering the gate of the grounds, shuffled up the broad walk, already white with the fast-falling snow, which from time to time he feebly shook from its various coigns of vantage on his person, he came under inspection of the large globe lamp that burned always by night over the great door of the building. As if unwilling to incur its revealing beams, he turned to the left and, passing a considerable distance along the face of the building, rang at a smaller

бережливости. О выводах, которые, по его мнению, напрашивались отсюда, мы говорить не будем; они не подтверждались и не опровергались обитателями "Убежища" – лицами, бесспорно, наиболее заинтересованными. Призываемые доживали здесь остаток своих дней, незаметно сходили в строго пронумерованные могилы, а на смену им появлялись другие старики, до такой степени похожие на прежних, что большего сходства не мог бы пожелать и сам враг рода человеческого. Если "Убежище" служило местом кары за неумение жить по средствам, то престарелые грешники искали справедливого возмездия за этот грех с настойчивостью, свидетельствующей об искренности их раскаяния. Одним из таких грешников мы и намерены теперь заинтересовать нашего читателя.

Что касается одежды, то человек этот выглядел малопривлекательно. Не будь зимнего времени, поверхностный наблюдатель мог бы принять его за хитроумное изобретение землепашца, не расположенного делить плоды своих трудов с воронами, кои не трудятся, не прядут, и устранить это заблуждение помог бы только более пристальный взгляд (на что не приходилось рассчитывать), ибо человек этот шел в зимних сумерках к "Убежищу" по Эберсаш-стрит не быстрее, чем это можно было бы ожидать от огородного пугала, даже обретшего вдруг юность, здоровье и беспокойный характер. Одет он был, вне всякого сомнения, плохо, и вместе с тем в его одежде чувствовалось изящество и вкус; по всему было видно, что это проситель, рассчитывающий получить место в "Убежище", куда только бедность и открывала дорогу. В армии

сходили один за другим в могилу, и на их месте поступали другие старики, на радость врага рода человеческого ничем не отличавшиеся от предшественников. Если жизнь в приюте была расплатой за грех расточительства, то упорство, с каким рвались туда старые грешники, свидетельствовало о глубине их раскаяния. Одно из таких кающихся мы и хотим представить вниманию читателя.

У тех, кто руководствуется правилом встречать по одежде, нашего героя вряд ли ждал сердечный прием. Будь сейчас не разгар зимы, а любое другое время года, равнодушный прохожий при виде его вспомнил бы о хитроумных уловках фермеров, не желающих делиться плодами трудов своих с птицами небесными, которые не сеют и не пашут, – и вспомнил бы совсем не к месту, но заблуждение мог рассеять лишь пристальный, внимательный взгляд, какого наш герой вроде бы и не заслуживал: он и вправду ковылял в сумерках зимнего вечера к приюту для престарелых с быстротой молодого, здорового и неугомонного огородного пугала. Платье его совершенно истрепалось, однако в этих лохмотьях была своя уместность и соответствие цели, ибо несомненно перед нами был проситель, жаждущий приюта в доме для престарелых, где непременно условием приема почитается нищета. В армии нищих форма – старое рванье, по нему отличают рядовых от вербовщиков.

Старик вошел в ворота богадельни и поплелся по широкой аллее, белой от густо падающего снега; время от времени он слабым движением стряхивал его с себя, когда скапливалось слишком много; вот он вступил в свет большого круглого

door emitting a dimmer ray that came from within, through the fanlight, and expended itself incuriously overhead. The door was opened by no less a personage than the great Mr. Tilbody himself. Observing his visitor, who at once uncovered, and somewhat shortened the radius of the permanent curvature of his back, the great man gave visible token of neither surprise nor displeasure. Mr. Tilbody was, indeed, in an uncommonly good humor, a phenomenon ascribable doubtless to the cheerful influence of the season; for this was Christmas Eve, and the morrow would be that blessed 365th part of the year that all Christian souls set apart for mighty feats of goodness and joy. Mr. Tilbody was so full of the spirit of the season that his fat face and pale blue eyes, whose ineffectual fire served to distinguish it from an untimely summer squash, effused so genial a glow that it seemed a pity that he could not have lain down in it, basking in the consciousness of his own identity. He was hatted, booted, overcoated, and umbrellaed, as became a person who was about to expose himself to the night and the storm on an errand of charity; for Mr. Tilbody had just parted from his wife and children to go 'down town' and purchase the wherewithal to confirm the annual falsehood about the hunch-bellied saint who frequents the chimneys to reward little boys and girls who are good, and especially truthful. So he did not invite the old man in, but saluted him cheerily:

“Hello! just in time; a moment later and you

нищих мундиром служат лохмотья: они и есть знаки различия между рядовым составом и офицерством, вербующим новобранцев.

Старик вошел в ворота, заковылял по широкой дорожке, уже побелевшей от густого снега, и, время от времени стряхивая дрожащей рукой снежные хлопья, забиравшиеся в каждую складку его платья, наконец предстал перед большим круглым фонарем, который горел по ночам у главного входа в здание. Словно желая скрыться от этих безжалостных лучей, он свернул влево и, пройдя довольно большое расстояние вдоль фасада, позвонил у гораздо менее внушительной двери, где свет горел только в полукруглом окне над входом и равнодушно рассеивался выше уровня человеческого роста. Дверь открыл не кто иной, как величественный мистер Тилбоди. Увидев посетителя, который сразу же обнажил голову и несколько уменьшил радиус своей раз и навсегда согбенной спины, эта важная особа не выразила ни удивления, ни досады. Мистер Тилбоди был в необычно хорошем расположении духа, что следовало приписать благотворному влиянию времени года: ибо подошел сочельник, и завтра должна была наступить та благословенная, одна триста шестьдесят пятая часть года, которую все добрые христиане встречают великими подвигами благочестия и ликованием. Мистер Тилбоди был преисполнен чувствами, приличествующими такой поре года, и его мясистое лицо и белесые глаза, слабый блеск которых только и помогал отличить эту физиономию от перезрелой тыквы, так рассыпались на этот раз, что мистеру Тилбоди, право, не мешало бы понежиться в лучах,

фонаря, который всегда горел ночью в высоком центральном портале. Словно сторонясь его беспощадных лучей, старик свернул влево и, пройдя довольно большое расстояние вдоль фасада, позвонил у двери пониже с веерообразным окном наверху, через которое сочился изнутри тусклый безразличный свет. Дверь открыл сам всемогущий мистер Тилбоди. Увидев посетителя, который тотчас обнажил голову и еще ниже согнул свою и без того сторбленную спину, властительная особа не выразила ни малейших признаков удивления или досады. Дело в том, что мистер Тилбоди находился в не свойственном ему превосходном расположении духа, что, несомненно, объяснялось приближением светлого праздника, ибо был канун Рождества, когда добрые христиане совершают подвиги бескорыстного милосердия и веселятся. Соответственно душа мистера Тилбоди была преисполнена благостью, его толстое лицо и крошечные блекло-голубые глазки, благодаря которым только и можно было догадаться, что это лицо, а не перезрелая тыква, сияли наивным довольством – так, кажется, и лег бы и нежился в лучах упоения собственной особой. На нем были шляпа, сапоги, зимнее пальто, в руках зонт, как и приличествует человеку, который приготовился окунуться в ночной мрак и метель ради свершения деяний человеколюбия: мистер Тилбоди только что попрощался с женой и детьми и собрался идти в "центр", дабы купить там все необходимое для поддержания вранья о пузатом святом, который якобы прилетает ежегодно с подарками через трубу к послушным, а главное – никогда не врущим детям. Поэтому он не

would have missed me. Come, I have no time to waste; we'll walk a little way together.”

“Thank you,” said the old man, upon whose thin and white but not ignoble face the light from the open door showed an expression that was perhaps disappointment; “but if the trustees – if my application –“

“The trustees,” Mr. Tilbody said, closing more doors than one, and cutting off two kinds of light, “have agreed that your application disagrees with them.”

Certain sentiments are inappropriate to Christmastide, but Humor, like Death, has all seasons for his own.

“Oh, my God!” cried the old man, in so thin and husky a tone that the invocation was anything but impressive, and to at least one of his two auditors sounded, indeed, somewhat ludicrous. To the Other – but that is a matter which laymen are devoid of the light to expound.

“Yes,” continued Mr. Tilbody, accommodating his gait to that of his companion, who was mechanically, and not very successfully, retracing the track that he had made through the snow; “they have decided that, under the circumstances – under the very peculiar circumstances, you understand – it would be inexpedient to admit you. As superintendent and ex officio secretary of the honorable board” – as Mr. Tilbody 'read his title clear' the magnitude of the big building, seen through its veil of falling snow, appeared to suffer somewhat in comparison – “it is my duty to inform you that,

исходивших от его собственной персоны. Он был в шляпе, в высоких сапогах, в пальто и при зонтике, как и подобало человеку, приготовившемуся выйти в ночь и непогоду по долгу милосердия; ибо мистер Тилбоди, минуту назад покинувший жену и детей, собрался в город, намереваясь закупить все то, что подкрепляет ежегодную ложь о пузатеньком святом, который забирается в каминные трубы, чтобы вознаградить отменно благонравных и, главное, правдивых мальчиков и девочек. Поэтому он не пригласил старика войти в дом, хотя поздоровался с ним приветливо.

– Здравствуйте, здравствуйте! Вовремя явились! Еще минута, и вы меня не застали бы. Я спешу, пойдемте, – пройдем немного вместе.

– Благодарю вас, – ответил старик, и свет, падавший из открытой двери, обнаружил на его худом, бледном, но отнюдь не лишенном благородства лице что-то похожее на разочарование, – но если попечители... если мое прошение...

– Попечители, – сказал мистер Тилбоди, захлопнув перед ним дверь и в прямом и в переносном смысле и лишив вместе со светом и луча надежды, – с общего согласия не согласились принять вас.

Есть чувства, которые не подобает проявлять в рождественские дни, но юмор, равно как и смерть, не считается со временем года.

– О боже мой! – воскликнул старик таким слабым и сильным голосом, что возглас этот прозвучал отнюдь не выразительно и показался совершенно неуместным, по крайней мере, одному из тех, кто слышал его. Другому же... но разве нам, мирянам, дано что-нибудь знать об этом!

пригласил старика войти, а жизнерадостно поздоровался с ним у порога:

– Добрый вечер, добрый вечер! Как раз вовремя – еще минута, и вы бы меня не застали. Я очень спешу, пройдемте немного вместе.

– Спасибо, – ответил старик; в свете, падающем из отворенной двери, было видно, что на его бледном, худом, но довольно благородном лице выразилось некоторое разочарование. – Скажите, а что попечительский совет... что моя просьба?

– Попечительский совет, – произнес мистер Тилбоди, закрывая двери в дом и в свою душу, так что сразу померк свет рождественского благоволения, – попечительский совет склонился к мнению, что вашу просьбу надлежит отклонить.

Есть чувства, для рождественских дней никак не приличествующие, но ирония, подобно смерти, не разбирает приличий.

– Боже милосердный! – воззвал старик слабым, надтреснутым и совсем невыразительным голосом, так что из двоих, слышавших его, по крайней мере один счел этот возглас просто неуместным, ну, а Другой – но тут не нам, простым смертным, судить.

– Да, – продолжал мистер Тилбоди, принаравливая свой шаг к походке спутника, который машинально старался идти по собственному следу, но то и дело оступался, – совет решил, что при сложившихся обстоятельствах – весьма и весьма необычных, вы сами это понимаете, – принять вас было бы нецелесообразно. Мой долг как директора приюта для престарелых и секретаря ex officio*

form you that, in the words of Deacon Byram, the chairman, your presence in the Home would – under the circumstances – be peculiarly embarrassing. I felt it my duty to submit to the honorable board the statement that you made to me yesterday of your needs, your physical condition, and the trials which it has pleased Providence to send upon you in your very proper effort to present your claims in person; but, after careful, and I may say prayerful, consideration of your case – with something too, I trust, of the large charitableness appropriate to the season – it was decided that we would not be justified in doing anything likely to impair the usefulness of the institution intrusted (under Providence) to our care.”

They had now passed out of the grounds; the street lamp opposite the gate was dimly visible through the snow. Already the old man's former track was obliterated, and he seemed uncertain as to which way he should go. Mr. Tilbody had drawn a little away from him, but paused and turned half toward him, apparently reluctant to forego the continuing opportunity.

“Under the circumstances,” he resumed, “the decision –“

But the old man was inaccessible to the suasion of his verbosity; he had crossed the street into a vacant lot and was going forward, rather deviously toward nowhere in particular – which, he having nowhere in particular to go to, was not so reasonless a proceeding as it looked.

And that is how it happened that the next

– Да, – продолжал мистер Тилбоди, приравливаясь к походке своего спутника, который машинально и без особого успеха старался идти по следам, им же самим проложенным в снегу, – принимая во внимание некоторые обстоятельства, весьма необычные обстоятельства, надеюсь, вы понимаете... попечители решили, что принять вас вряд ли будет удобно. Будучи старшим смотрителем "Убежища" и занимая также должность секретаря почтенного совета попечителей, – когда мистер Тилбоди полным голосом провозгласил этот титул, дом, видневшийся сквозь пелену снега, словно утратил часть своего величия, я считаю себя обязанным повторить вам слова председателя совета, его преподобия Байрэма, а он сказал, что при данных обстоятельствах пребывание ваше в "Убежище" в высшей степени нежелательно. Я почел своим долгом передать почтеннейшему совету попечителей то, что вы сообщили мне вчера о своей нужде, болезни и о тех испытаниях, которые провидению угодно было ниспослать вам, когда вы, как это и следовало ожидать, намеревались изложить свою просьбу самолично; однако же после тщательного и, я бы сказал, благочестивого рассмотрения вашего дела – чему способствовало также чувство милосердия, приличествующее кануну праздника, – было решено, что мы не вправе вызвать хотя бы малейшее сомнение в полезности "Убежища", которое милостью божией вверено нашим заботам.

К этому времени они вышли на улицу; фонарь у ворот еле виднелся сквозь падающий снег. Следы, протоптанные стариком, уже занесло, и он

высокоцитимого совета (от перечисления столь внушительных титулов большое здание за пеленой крутящегося снега словно бы уменьшилось в размерах), так вот, мой долг указать вам, что, как выразился председатель совета дьякон Байрам, ваше присутствие в доме для престарелых в данных обстоятельствах привело бы к большой неловкости. Я счел своим долгом сообщить высокоцитимому совету все, что вы рассказали мне накануне о ваших затруднительных обстоятельствах, о пошатнувшемся здоровье, с трудностях, которые вам, по воле Провидения, пришлось преодолеть, чтобы изложить вашу просьбу лично, что, разумеется, можно только одобрить, но после тщательнейшего, я бы даже сказал благоговейнотрепетного ее рассмотрения в духе милосердия, к коему побуждает нас наступающий великий праздник Рождества, совет пришел к выводу, что было бы неправильно нанести урон богоугодному заведению, вверенному волей Провидения нашему попечительству.

Они вышли из ворот; фонарь слабо светил сквозь завесу снежных хлопьев. Следы старика замело, и он замедлил шаг, словно не зная, куда идти. Мистер Тилбоди уже значительно его обогнал, однако остановился и обернулся, явно желая исчерпать предмет разговора.

– Так что в данных обстоятельствах, – продолжал он свою тираду, – решение совета...

Но старик был уже недоступен его велеречивому пустословию; он перешел через улицу и, петляя, побрел по пустырю куда глаза глядят, а поскольку идти ему было решительным некуда, в таком его поведении даже была своя

<p>morning, when the church bells of all Grayville were ringing with an added unction appropriate to the day, the sturdy little son of Deacon Byram, breaking a way through the snow to the place of worship, struck his foot against the body of Amasa Abersush, philanthropist.</p>	<p>замедлил шаг, видимо не зная, куда идти. Мистер Тилбоди прошел немного вперед и оглянулся, неохотно расставаясь с представившейся ему возможностью поговорить. – Принимая во внимание некоторые обстоятельства, – повторил он, – решение...</p> <p>Но мистер Тилбоди втуне расточал свое красноречие; старик уже пересек улицу, свернул к пустырю и нетвердыми шагами отправился прямо куда глаза глядят, а так как идти ему, собственно говоря, было некуда, то поступок этот не был таким уж бессмысленным, как это могло показаться на первый взгляд.</p> <p>И вот почему на следующее утро, когда ради такого дня колокола во всем Грэйвилле названивали особенно рьяно, маленький краснощекий сынок его преподобия Байрэма, пробиравшийся по сугробам к дому благочестия, споткнулся о труп грэйвиллского филантропа Амоса Эберсаша.</p>	<p>логика.</p> <p>Вот как случилось, что утром следующего дня, когда грэйвилльские колокола заливались особенно весело и звонко в честь великого праздника Рождества, крепенький мальчуган лет восьми, сын дьякона Байрама, прокладывая себе в глубоком снегу путь к церкви, споткнулся об окоченевший труп Амазы Аберсаша, благотворителя.</p> <p>-----</p> <p><i>* По должности, по положению (лат.).</i></p>
---	--	---